

РАССКАЗ О СОЛДАТЕ ПОБЕДЫ, ПРОДОЛЖЕННЫЙ ЧЕРЕЗ СОРОК ЛЕТ

В 1975 году в Издательстве Воронежского университета вышел сборник «Фронтовики», где среди прочих был и очерк преподавателя ВГУ Иосифовича Киросирова о военном подвиге Сергея Николаевича Титова, тогда доцента кафедры философии. Четыре десятилетия спустя у профессора С.Н. Титова, накануне его 90-летия, побывала дочь И.И. Киросирова – доцент кафедры культурологии Елена Ивановна Якушкина. «Университетская площадь» решила опубликовать оба материала – и отца, и дочери. Как напоминание: идут годы, меняются поколения, но отношение к подвигу героев остается неизменным.

Иван Иосифович Киросиров с дочерью Еленой

ВСЕГО ЛИШЬ ДВАДЦАТЬ ШАГОВ

*Y*же в который раз, в тысячный или двухтысячный, в своих лекциях он утверждает: человек должен мечтать, должен стремиться к прекрасному.

— Вот Вы, да Вы, — вдруг обратится он к студенту, — стремитесь ли понимать и творить красоту?

Всякие бывают ответы. Одни удовлетворяют его, другие вызывают улыбку. Есть и такие, которые сердят преподавателя философии С.Н. Титова, и тогда он снова говорит об Аристотеле, о том, что в противоположность Платону великий мыслитель сумел обосновать положение: искусство возникло как подражание действительности и является вторичным по отношению к ней.

«Итак, что же такое эстетика?» — «Эстетика происходит от греческого эстезис — чувствование, восприятие». — «Верный ответ, но не полный. Кто сможет добавить?» Опять ответ, снова вопрос. «Эстетика — наука о прекрасном в жизни и в искусстве». — «Это полное ее определение?» — «Нет, не полное». — «А что такое эстетическое чувство?» — «Если сказать одним словом, то это — переживание». — «Правильно».

Полный академический час разговор о прекрасном, о том, что нас окружает и как важно все правильно понимать, давать всему верную оценку.

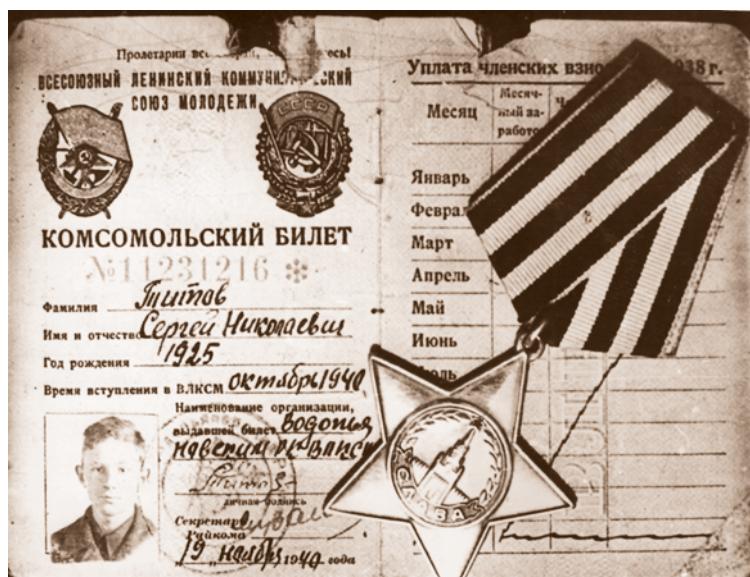
И после звонка у Титова еще долго будет продолжаться работа. Отойдя в сторонку, чтобы не ме-

шать бесконечному студенческому потоку, к самой коридорной стене, он снова заговорит с двумя-тремя юношами о гомеровской «Илиаде» или «Песне о Нibelунгах». Потом, прежде чем рас прощаться со студентами, даст им совет прочесть «Каплю росы» Владимира Соловухина. Эта книга еще раз подтверждает истину: удивительное рядом.

А завтра или на следующий день его не будет в Воронеже. Он часто в отъездах. В других городах нашего Союза, за рубежом. В то время, когда студенты заполняют аудитории, он выйдет из самолета, опустившегося на аэродроме Схинхол, что под Амстердамом, и задержится перед красотой голубой чаши залива Зейдерзе. Нидерланды — маленькая страна. Наша область значительно больше ее. Несколько дней потребуется С.Н. Титову, чтобы побывать в самом отдаленном голландском уголке.

Он встретится с трудолюбивым и смелым народом, которому на роду написано бороться с многоликой северной стихией. И в деревушке Фолендан, и в Заандаме будет опять говорить о прекрасном — о замечательных уроженцах этой страны — Бенедикте Спинозе и Эразме Роттердамском.

И снова заспешит домой. Снова Воронеж, университет, кафедра философии. Он подробно расскажет о жизни маленького народа, где шесть миллионов велосипедистов, о том, что третья часть

Пробитый пулей комсомольский билет С.Н. Титова

С.Н. Титов. Германия. 1945 год

Нидерландов ниже уровня моря; или о том, что у берегов амстердамских каналов можно видеть баржи не с грузами, а с людьми, баржи-дома.

Однажды, слушая Титова и восторгаясь его знаниями, один канадец спросил: кто его родители, по всему видно – искусствоведы? Нет, они из крестьян. Отец, закончив земледельческое училище, всю жизнь работал агрономом, вырастил четырех сыновей. Один работает шофером, другой – на цементном заводе. Старший погиб на войне.

Сам он, Сергей Титов, начал свою трудовую деятельность совсем не на поприще искусствоведения. Только закончил восемь классов, война началась. Кому надо было, ушли на фронт, меньшие потянулись к станкам, в поле, на фермы. Сергей – в МТС. Потом, когда враг подошел совсем близко к родным местам, Сергей, уже будучи шестнадцатилетним подростком, стал путевым рабочим. Трудное дело таскать рельсы, укладывать щебенку, подбивать молотом шпалы. И не только днем, а и ночью, т.е. всегда, когда поднимут по тревоге, в любые часы суток, при любой погоде. Железную дорогу надо быстро восстанавливать после вражеских налетов, железная дорога должна действовать бесперебойно, нести на себе грузы, необходимые фронту. Бывало, что и под самым огнем «латали» пути.

– Серега, ложись! Бросай кирку, говорят тебе, видишь, он заходит, да справа гляди, от водокачки.

Так что когда настало время идти на фронт, идти полноправным солдатом, от поступков и действий которого зависела судьба Родины, Сергей Титов шел уже повидавшим виды, обстрелянным бойцом. Там, на железной дороге, он хорошо познал и радость своей победы, какой бы величины ни была она, и горе по убитому, погившему от осколка бомбы, пулеметного обстрела.

Война шла третий год, и Титов попал на передовую. Первый бой запомнился совсем простым, этаким легким делом. Фашисты шли на деревушку, где окопались наши, и надо было их не пустить к тем, таким далеким и таким близким, маленьким избам с камышовыми крышами, с совсем маленькими ласточкиными гнездами, «журавлями», помогшими уставшим солдатским рукам вынуть ведра холодной колодезной воды. И плетни те часто видятся Титову.

Доктор философских наук,
профессор С.Н. Титов

За одним, сплетенным из лозы, и расположился боец. Углубился на целый штык саперной лопатки, патроны по правую сторону от винтовки разложил, а рядом темно-зеленую баклажку с водой на попа поставил. День жаркий был, разогретый июльским солнцем.

И хотя Титов не проходил специальной военной науки, но сразу почувствовал: бой будет скорым и для наших победным. Во-первых, стрелковый батальон состоял в основном из кадровиков, народа смелого и напористого; во-вторых, немцу, чтобы войти в деревушку, надо было в гору подниматься, а это, с какой стороны ни обсуждай,

не выгодно в стратегическом плане. Местность-то сверху лучше простреливается.

Титов, окопавшись и разложив подсумки, вдруг обратил внимание на каменный каток, одним концом вкопанный у засохшего дерева. Он прикатил его к плетню, быстро уложил. Получился отличный бруствер, который никакая пуля не возьмет.

Залег, ожидая дальнейших приказаний командира, который был метрах в ста пятидесяти, в цепи.

Два раза немцы пытались захватить деревушку, но так и не смогли одолеть плотный и спорый огонь. Титов стрелял много – гильзы валялись густо, чадя перегоревшим нутром так, что совсем не слышно было первоначального запаха травы и хлебного запаха, шедшего то ли с поспевшего поля, то ли от катка, видно, перемолотившего на своем веку не одну копну вызревших колосьев.

Дальше были другие бои. И большие, с сотнями танков, самолетов, пушек, с рукопашными схватками, и малые, когда взвод, а то и отделение попадало в огненный переплет... Осколок прошелся по Сергею. Отлежался в полевом госпитале. Второе ранение получил от снайперского выстрела под Крым Рогом. Опять упрашивал командира, врачей не отсыпал в тыл. Не мог допустить солдат, что надо ехать куда-то вдаль от передовой, бросить Костю, Алексея Ковальчука, Анатолия Фирюлина, да всех ребят, вместе с которыми воевать во сто раз легче.

Что же предопределило его жизненный выбор? Сергей Николаевич может сразу ответить: случай. Дело было еще на путевых восстановительных работах. После одной из бомбёзок сильно размоловило железнодорожное полотно. Перед побиты-

ми рельсами стал поезд с детишками и стариками. Ясно, что команда была единственной: быстрее отремонтировать путь, пустить поезд.

Сутки работали все – и путевые рабочие, и те, что ехали в поездке. И увидел тогда Сергей старичка, совсем уже дряхлого, интеллигентного по виду. Измученный, еле держась на ногах, он улыбался, глядя на две обыкновенные ромашки, чудом уцелевшие среди недавнего моря огня.

– Молодой человек, – обратился старик к подошедшему Титову, – вам еще жить да жить. Посмотрите на цветы, на эти хилье, но прекрасные создания. Сталь не выстояла перед оружием, огонь узлом связал многотонный металл, а ромашки стоят. Умейте понимать и творить красоту.

Так называется одна из книг С.Н. Титова.

У Титова много боевых наград, а памятнее всех орден Славы III степени, полученный им за бой на польской земле.

Не больше двадцати шагов, всего лишь двадцать до той разрушенной стены, где Ковальчук, стоя на коленях, бьет из пулемета.

– Ковальчук!

Титов приподнялся на локте и еще раз закричал Алексею, чтобы тот снял фрица, ловко пристроившегося у оконного проема, подпертого двумя головами гривастых львов.

– Ко-валь-чук!

И тут как бы в ответ рядом с Титовым, у самой его левой руки, раскололась на мелкие части наледь, такая чистая, словно промытое стекло, еще совсем молоденькая, укрывшая эту черную землю не раньше вчерашнего вечера.

«Так и есть, заметил», – метнулась догадка, – и солдат, напрягшись всем своим телом, в один миг прирос к земле, закаменел.

«О чём вы тогда думали, Сергей Николаевич, когда лежали на земле, а рядом падали пули?» – такой или примерно такой вопрос он слышал много раз, как только заходила речь о войне, о том последнем январском дне 1945 года.

О чём он думал? Трудно сказать, все до тонкости он не помнит, но на какой-то миг оробел от одной мысли: не дойдет, наверное, до Берлина, другие дойдут, а он останется здесь, в польском городе.

Всего лишь двадцать шагов до той стены, вернее, груды из камней. Надо подниматься, приказ есть приказ. Вставай, солдат. Титов повернул голову и увидел Костю Скрипкина, связиста. Тот лежал на полшага впереди. Бедные связисты! Достается вам куда больше, чем пехоте, трудяги вы, не сравнимые ни с кем. Глядите на Костю, люди добрые. Автомат

у него – раз, потом вещмешок. Да две катушки провода. Еще ящик с телефонным аппаратом.

«Ну что, рванем, связист?» – моргнул глазом Титов. Тот головой кивнул: поднимаемся.

Вскочил солдат, через секунду поравнялся со Скрипкиным, схватил одну катушку, чтобы помочь, и побежал туда, вперед, к стене.

Всего лишь двадцать шагов...

Для многих они стали последними. А Титов бежал, и связист был рядом, и как-то легко было у человека на душе оттого, что смог помочь товарищу. Освободилась у Кости одна рука, он мог теперь придерживать болтавшийся за спиной вещмешок.

О чём думал Титов тогда? Чтобы проскочить эти двадцать шагов и не быть убитым. Вот только до той каменной стены, до Ковальчука...

Потом был толчок в грудь. Не так уж чтоб сильным он был, нет, ощущение такое, как будто кто хотел приостановить этого разгоряченного молодого солдата, в один миг собравшего и выпалившего всю свою силу.

Еще немного и... они с Костей у стены, уже прикрыты ею от вражеского огня. Связист взял свою катушку и кинул дальше, вниз, а Титов еще выстрелил несколько раз из автомата по пробегавшим у лестничного марша немцам. Потом его ноги будто обмякли и не шли дальше... Присел на какой-то опрокинутый ящик, и грудь вдруг огнем зажгло. Тут Анатолий Фирюлин оказался рядом. Хороший был человек. В части любая беда – не такая большая беда, если Фирюлин на месте. Его все любили в батальоне. Там, за Одером, Анатолий погиб.

Так вот, Фирюлин первым догадался, что Титов ранен. Расстегнул ему шинель, от гимнастерки пуговицы отскочили. Нательную рубашку не стал снимать, она была вся в крови. Забинтовал грудь Титову.

Спустя несколько дней солдату покажут его комсомольский билет, пробитый пулей на том самом месте, где проставлены слова «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Жутковато будет первое время, что кусочек огненного металла прошил нагрудный карман, зацепил документ и в грудь вошел. Совсем рядом с сердцем.

«А куда же пуля девалась, скажите, доктор?» – «Пуля? – ответит тот, – так она полетела себе дальше, ранила тебя и полетела». Потом военфельдшер шепнет, что Титов значится в тяжелораненых, пуля-то в груди у него находится.

«Верно, – согласно кивнет головой начальник полевого госпиталя, – да не волнуйся, солдат, жить тебе много лет. Пусть она сидит себе, отсиживается эта пуля. Она больше не опасна».

Так почему же тогда написано в карточке, что его надо в тыл высыпалить? Прямо сказано: «Срочно, эвакосида, самолетом».

«Ни каким я самолетом не отправлюсь», – упорно отказывался Титов. И не уехал из части, поправился в своем госпитале. Потом настал день – это было перед самой весной, последней военной весной – он снова взял в руки оружие и дошел до самого Берлина.

Закончил там войну, вместе со всеми победно палил вверх из автомата.

Тем летом ему исполнилось двадцать лет.

В нынешнем январе сравняется ровно тридцать лет с того дня, когда Титов там, в Познани, пробегая узенькую улицу, ширина которой была не больше двадцати шагов, покорил пулю – я не оговорился! Солдат покорил пулю, а не наоборот, она его не сра-

зила, хотя и будет суждено им обоим всегда быть вместе.

В своей недавней лекции Сергей Николаевич прочитал стихи Иоганнеса Р. Бехера, немецкого поэта, лауреата Международной Ленинской премии мира. В «Гимне красоте» поэт говорит:

Что мир красив, узнал я
в детстве раннем.
Но красоту мы с неба
не достанем.
«Красиво жить» – не просто
звук пустой.
Лишь тот, кто в мире красоту
умножил
Трудом, борьбой, – тот
жизнь красиво прожил,
Воистину увенчан красотой!

1975

ЕЛЕНА ЯКУШКИНА

КРАСКИ ЖИЗНИ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ТИТОВА

Сергей Николаевич Титов живет в небольшой квартире с высокими потолками, в старом доме, расположенном недалеко от «красного корпуса» университета, где он учился и работал долгие годы. Сам дом с высокой аркой и большой двор постарели, словно бы сжалась в объеме, потускнели.

Сергею Николаевичу 89 лет, но он бодр, подтянут и не изменился с тех пор, как в середине 1980-х преподавал нашему курсу историю философии. Преподавал сложно, интересно, я до сих пор помню его характерный, хорошо поставленный голос. Сдать предмет на «отлично» было практически невозможно, наверное, потому, что по молодости лет мы не понимали: он преподносит нам не просто историю философии, но историю человеческой мысли.

* * *

Разговор зашел о войне, и Сергей Николаевич сразу увел меня от героизации, батальных сцен к жизни солдата, солдатским будням, теме солдатской

судьбы. Он до сих пор помнит отчетливо все детали военного быта. Попал на фронт Сергей Николаевич совсем молодым, едва закончив девять классов средней школы.

– Ну, скажем, жил солдат в окопе неделями, не раздеваясь и не разуваясь, подчас не умываясь. А может сейчас гражданский человек представить себе солдатский сон: из ночи в ночь, в полусогнутом положении, прислонив голову к холодной стене окопа, вдыхая запах земли?

Этот резкий слом жизни отзовется потом подсознательно, в образе мыслей, поступках, отношении к жизни, оценках и сравнениях...

* * *

Как философа его волнует и более широкое понимание судьбы.

– Судьба – это продукт взаимодействия человека и обстоятельств. Если человек понимает и использует обстоятельства, то он творец, если же обстоятельства подавляют его и он бессилен перед ними, мы говорим – рок.

Ветеран войны С.Н. Титов в сквере у памятника павшим в боях за Родину студентам и сотрудникам университета

Судьбы как предопределения, на его взгляд, не существует. В ноябре сорок третьего рота, в которой воевал Сергей Николаевич, в ночном бою вырвалась метров на восемьсот вперед от основной линии фронта.

– Утром мы увидели, что находимся на дне «блудца» криворожской степи диаметром примерно с километр. Сзади за бугром – наш батальон, слева и впереди, на склонах – оборона противника, а в середине – окопы нашей роты, в которой осталось человек тридцать. Мы перед немцами, как на ладони...

Когда оборвалась связь с батальоном, Сергей Титов – дежурный связист – выдвинул из окопа под шквальным огнем противника. Надо было про-

бежать метров тридцать, сделать это быстро, чтобы не стать добычей снайпера...

– Ноги закоченели от долгого сидения в сыром окопе. Я пробежал, сколько мог, залег, подергал за нитку и чувствую: разрыв где-то близко. Вот тут это и случилось. Снайпер уже взял меня на мушку и ждал, когда я буду подниматься, чтобы выстрелить наверняка. Если бы я поднимался как обычно – сначала поднял бы голову, то пуля попала бы мне прямо в висок. Но я приготовился к новому броску, нагнул голову, рванулся вперед. И тут словно кто-то с силой хлестнул меня прутом по голове, пуля насквозь прошла шею. Но выжил, восстановил связь...

Всё решил, по мнению Сергея Николаевича, быстрый и решительный рывок. Он смог победить, подчинить обстоятельства. После двух с половиной месяцев лечения в госпитале Сергея Николаевича снова отправили на фронт сначала связистом, а потом разведчиком 76-го гвардейского стрелкового полка 27-й Краснознаменной ордена Богдана Хмельницкого гвардейской дивизии, в составе которой он участвовал в боях за освобождение правобережной Украины, Одессы и других городов.

* * *

Разговор возвращается в мирное время. Вся жизнь Сергея Николаевича Титова связана с Воронежским госуниверситетом. Он стал студентом в 1946 году, практически сразу после войны, потом аспирантура, преподавательская работа, должность доцента, звание профессора. В 2002 году он оставил преподавание, но до 2009-го оставался членом докторской совета факультета философии и психологии. Это факты биографии. Как связана она с судьбой? Ведь мы порой связываем одно с другим и не хотим видеть разницы этих двух понятий...

– Судьба – это не только то, что прожито, но и что пережито. Это колорит жизненного пути, краски жизни. После войны я оканчивал среднюю школу вместе с детьми. Я, фронтовик, сел за одну парту с подростками. Закончил школу с одной четверкой. Меня привлекали гуманитарные науки, и я уехал поступать в Москву. Думал, что выбрать: Литературный институт имени Горького или Московский полиграфический. Я больше склонялся к полиграфическому: привлекала редакторская работа. Но оказалось, что там не предоставляли общежития... И вот до окончания подачи документов остается несколько дней, надо срочно что-то решать. И я подаю

документы в Московский энергетический институт имени Молотова: это был вариант с общежитием. Уже оттуда, мечтая всё-таки о гуманитарном образовании, я перевелся на историко-филологический факультет в Воронежский университет... Жить не где, весь город разрушен, ютился в университете, в столярной мастерской... И будущую жену Раису встретил тоже в университете. Она была моей курсницей...

* * *

Раиса Филипповна, улыбчивая, моложавая женщина, рассказала, что они женаты уже шестьдесят четыре года, что у них две прекрасные дочери, которые их часто навещают, заботятся о них. Пожалуй, это настоящее многоцветие судьбы. Какие именно краски в палитре, это, конечно, виднее Сергею Николаевичу и Раисе Филипповне, но то, что они разнообразны, колоритны, сочны, то, что они не теряют свежести и яркости до сих пор, то, что отсутствует в жизни серая однотонность, – несомненно...

* * *

К теме судьбы мы вернулись еще раз, когда Сергей Николаевич заговорил об одном из последних и очень важных эпизодов его фронтовой жизни.

– В начале лета 1944 года армию, в составе которой я воевал, перебросили с 3-го Украинского на 1-й Белорусский фронт. До этого были длительные бои за освобождение Польши, форсирование Вислы, освобождение Варшавы, Лодзи. И вот в январе наши войска подошли к границам Германии. А в тылу оставался город Познань, который было приказано освободить нашей дивизии. В последний день января мы выбивали противника из жилых кварталов. Под шквальным минометным огнем мы со связистом несли катушки с телефонным проводом. Вот тут я и был ранен: пуля пробила красноармейскую книжку и комсомольский билет в нагрудном кармане, прошла мимо сердца и застряла в правом

легком... Если бы я бежал на десятую долю секунды быстрее, пуля пробила бы мне сердце...

Случай это или что-то еще? Как не размышлять о том, что было бы с нами, если бы мы сделали или, наоборот, не сделали, лишний шаг, сказали или не сказали какое-то слово, уехали или не уехали в какой-либо город, открыли или не открыли какую-то книгу?...

С 31 января 1945 года, когда произошло это ранение, прошло 70 лет. Пуля так и осталась в груди Сергея Николаевича. За освобождение Познани он был награжден орденом Славы III степени... Сергей Николаевич показал мне обложку пробитого комсомольского билета (сам документ хранится в Воронежском музее боевой славы). Он сделал это буднично, в который раз поясняя, что память о войне, конечно же, остается, но это не предмет егоаждодневных воспоминаний. Жизнь продолжается. Интересно происходящее вокруг, интересно общение, интересны книги разных жанров. Сергей Николаевич показал мне стопку изданий и пояснил: это книги – загадки, увлекательные, спорные, написанные на историческом материале: произведения Тома Мартина, Антуанетты Мэй, Дэна Брауна.

Телевидение для него менее привлекательно. Это только новости, канал «Культура» и спортивные передачи.

В свои девяносто лет Сергей Николаевич не жалуется на жизнь, не ворчит, о пуле под сердцем говорит лишь как о факте своей биографии, продолжает серьезно размышлять над понятием судьбы и другими столь же сложными философскими вопросами. Это вызывает невероятное уважение и заставляет заглянуть в себя.

Сергея Николаевича Титова с полным правом можно назвать самодостаточным человеком, ученым. Нам хотя бы толику его философского отношения к событиям, происходящим вокруг, чуть-чуть этой бодрости и оптимизма, хотя бы треть его интереса к жизни. Но для этого надо глубоко задуматься, многое переосмыслить и изменить в своей жизни.

2015